

Янь Цин и правда замер. Его глаза-персики уставились на Чу Сюньчжоу. Видя, что тот медлит, он поторопил его:

— Ну так выходи.

Чу Сюньчжоу еще пару секунд смотрел на него, прежде чем нехотя покинуть комнату.

Как только за ним закрылась дверь, от былой вялости Янь Цина не осталось и следа. Он тут же вызвал Систему:

— Сколько осталось очернения?

Система отозвалась не сразу:

[А вот и я! Уровень очернения снизился до 30. Хозяин, вы молодец!]

Янь Цин распластался на кровати как полутруп:

— Ага, молодец. Чуть кони не двинул.

Система торжественно заверила: [Будьте спокойны, Хозяин. Ваша Система будет стоять на страже вашей безопасности до последнего. Мы не допустим ситуации, чтобы вы «гавкнулись» прямо в процессе.]

— Пошла вон!

Система обиженно пискнула: [Опять вы меня прогоняете.]

Янь Цину было не до пререканий:

— Что дальше?

Система невинно захлопала глазками: [Конечно же, оставаться здесь и продолжать снижать уровень очернения.]

— Когда закончим, я смогу уйти?

Система: [Я могу попробовать вытащить вас напрямую.]

Это «попробовать» прозвучало слишком многозначительно. Янь Цин тут же вспомнил горький урок из прошлого мира.

— Ты уверена?

Система выглядела преисполненной решимости: [Хозяин, не волнуйтесь. Главный герой этого мира, каким бы сложным он ни был, не чета тому типу из мира заклинателей.]

Янь Цин подумал, что это еще бабушка надвое сказала: судя по количеству выкрутасов Чу Сюньчжоу, он вполне мог побороться за первенство.

— Так получится или нет?

Системе-то ничего, а все страдания достаются ему.

Система: [Просто доверьтесь мне, Хозяин. Все будет в ажуре.]

Янь Цин решил пока поверить на слово.

Вечером Чу Сюньчжоу снова приплелся в спальню.

Янь Цин встретил его настороженным взглядом:

— Опять ты? Зачем пришел?

Чу Сюньчжоу поставил поднос на стол и подошел к кровати с чашей лекарства:

— Цин-Цин, пора пить лекарство.

Янь Цин при виде этой огромной чаши с черной бурдой невольно вздрогнул. К тому же по комнате пополз какой-то странный запах. Он тут же откатился к стене:

— Унеси, я не буду это пить.

Чу Сюньчжоу проявил твердость и, не слушая возражений, подтянул его к себе:

— Лекарь сказал пить вовремя. Цин-Цин, не капризничай.

Янь Цина уже тошнило от этого бесконечного «Цин-Цин».

— Хватит называть меня Цин-Цином! — Не выдержал он.

Чу Сюньчжоу тут же покладисто переиначил:

— Янь-Янь.

Какой еще «Янь-Янь»? У Янь Цина мурашки пошли по коже. Он поспешно добавил:

— И Янь-Янем тоже не смей!

Лицо Чу Сюньчжоу на миг застыло, но он снова сменил обращение, подстраиваясь под него:

— Великий наставник, вставайте, нужно выпить лекарство.

Янь Цин нехотя приподнялся, но пить все равно не желал.

— Оно горькое. Я хочу сладкого.

Чу Сюньчжоу не повел и бровью:

— Будь умницей. Я велел лекарю изменить рецепт, оно не горькое.

Янь Цин решил капризничать до конца:

— Не верю. Сначала ты отпей.

Взгляд Чу Сюньчжоу потяжелел, уголки губ невольно приподнялись, а голос стал странно хриплым:

— Хорошо. Я выпью первым.

С этими словами он поднес чашу к губам и сделал большой глоток. Янь Цин уже начал было

злорадно улыбаться, думая, что его уловка сработала и ему достанется меньше, как вдруг перед его лицом возникла физиономия Чу Сюньчжоу.

Не успел он опомниться, как его губы грубо разомкнули, и всё лекарство, что только что отпил Чу Сюньчжоу, переключало к нему в рот.

— М-м-м-м!

Болезнь еще не отпустила его, сил сопротивляться не было. Пока он не проглотил всё лекарство до последней капли, Чу Сюньчжоу не отстранился.

Когда тот потянулся за новой порцией, Янь Цин тут же перехватил его руку:

— Это моё! Поставь сейчас же!

Чу Сюньчжоу невинно захлопал ресницами:

— Но разве не Великий наставник просил меня отпить?

Вот уж действительно – сам себе яму выкопал.

Янь Цин едва не завыл от досады, но делать было нечего. Сквозь зубы он процедил:

— Я сам выпью. Не надо мне помогать.

С этими словами он схватил чашу и осушил её одним махом.

Ну и гадость.

Его лицо перекосило от горечи. Чу Сюньчжоу, заранее подготовивший цукаты, тут же поднес один к его губам.

Янь Цину было уже всё равно. Он ел всё, что тот давал, лишь бы заглушить этот жуткий вкус во рту.

Сглотив штук пять сладостей, Янь Цин наконец пришел в себя и без сил повалился на подушки.

Однако Чу Сюньчжоу и не думал уходить.

Янь Цин с трудом приоткрыл веки:

— Ты чего еще здесь?

Чу Сюньчжоу держался смиренно, мягко уговаривая его:

— Ты сейчас очень слаб. Что, если ночью жар вернется? Я останусь здесь, присмотрю за тобой.

Янь Цин не оценил заботы и язвительно парировал:

— А из-за кого у меня этот жар? Не стоит утруждать господина регента. Моя жизнь гроша ломаного не стоит – помру и ладно.

Чу Сюньчжоу мгновенно изменился в лице. Он прижал палец к его губам:

— Не смей поминать смерть. Пока я рядом, ты проживешь сто лет.

Янь Цин попытался убрать его руку, продолжая дерзить, благо «жетон бессмертия» придавал ему храбрости:

— Не тебе решать, сколько мне жить. Сначала сам доживи до такого возраста.

Сказал-то сказал, а сам призадумался: если и правда сто лет, неужели ему придется торчать в этом мире целый век?

Слово за слово, Чу Сюньчжоу все же умудрился остаться.

Янь Цин свернул одеяло валиком и положил посередине кровати:

— Вот граница. Не смей её пересекать.

Взгляд Чу Сюньчжоу стал глубже, но он покладисто согласился:

— Обещаю.

Янь Цин решил ковать железо, пока горячо:

— Если хочешь остаться, обещай еще кое-что: впредь без моего разрешения... не смей делать со мной... «этого».

Чу Сюньчжоу усмехнулся и с притворным любопытством уточнил:

— Что именно Великий наставник имеет в виду под «этим»? Объясните подробнее, я не совсем понимаю.

Янь Цин вспыхнул от негодования:

— Не понимаешь - катись отсюда!

— Обещаю, Великий наставник, — поспешно ответил Чу Сюньчжоу, боясь снова его разозлить.

«А если что - нарушу обещание, - подумал он про себя. - ...Ради моего Цин-Цина я готов быть кем угодно, хоть последним подлецом, лишь бы не святым».

Янь Цин пытался придумать еще какие-нибудь условия, но в голову ничего не лезло.

— Ладно, спим.

Чу Сюньчжоу снял верхний халат, повесил его на стойку и взмахом руки загасил свечи. Он аккуратно прилег с краю.

Янь Цин все еще не сводил с него глаз через импровизированную границу, надеясь подловить его на чем-нибудь и с чистой совестью выставить за дверь.

Однако Чу Сюньчжоу действительно просто лег спать. Он лежал смирно, не выказывая никаких дурных намерений.

Янь Цин понаблюдав за ним еще немного и, наконец, проиграл в схватке со сном.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием двоих людей. Но спустя

мгновение Чу Сюньчжоу внезапно открыл глаза.

Он повернулся к крепко спящему юноше, притянул его к себе и с наслаждением вдохнул аромат, исходящий от его шеи.

— Раз Цин-Цин запретил мне переходить границу... значит, Цин-Цин сам придет ко мне.

<http://bllate.org/book/18143/1740378>